

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗЕ АВТОРА В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ТЕКСТЕ: ДВА ТИПА ДЕФОРМАЦИИ ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКОГО КАНОНА

С.В. Зубова, Т.П. Сыроватская

Ключевые слова: научно-популярный текст, деформация нарратива, образ автора, диктум, модус, коммуникативная цель

Keywords: popular science text, narrative deformation, author's image, dictum, modus, communicative goal

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)3–06](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)3–06)

Введение
Основными стилевыми чертами научного текста в лингвистике принято считать объективность и некатегоричность, обобщенность, подчеркнутую логичность и доказательность, точность и ясность, а также диалогичность изложения [Чернявская, 2007, с. 22]. Важно при этом подчеркнуть, что перечисленные характеристики научного стиля не предполагают отсутствие экспрессивности и оценочности [Кожина, 2011, с. 299]. Воздействие на адресата научного текста происходит через убеждение, основным способом которого является информирование. Цель убеждения через информирование состоит в достижении понимания и принятия адресатом сообщаемой информации [Варгина, 2004].

Научно-популярный текст, подобно собственно научному, транслирует знания, полученные в различных областях научной деятельности. Принципиальное различие заключается в адресате: в отличие от научного текста, ориентированного на специалиста, научно-популярный текст обращен к неспециалисту. Это обуславливает главную коммуникативную задачу автора — донести достоверное научное знание в форме, доступной для неподготовленного читателя [Хомутова, Петров, 2013, с. 38–39]. Иными словами, перед автором научно-популярного текста, помимо трансляции научного знания, стоит задача «сделать свой материал конкурентоспособным, заинтересовать „случайного“ читателя» [Воронцова, 2013, с. 27]. Необходимость «заинтересовать» читателя закономерно сопряжена с большей свободой проявления авторской позиции: по замечанию Э. А. Лазаревич, автор научно-популярного

текста «не должен бояться выражать свое отношение к изображаемому» [Лазаревич, 1978, с. 134]. Это обстоятельство определяет актуальность исследования лингвистических средств выражения позиции автора в научно-популярном тексте.

О значимости данной проблематики свидетельствует широкий спектр работ, посвященных анализу средств выражения авторской позиции в научно-популярных текстах разной тематики: правовой [Соловьева, 2022], лингвистической [Гришечкина, 2010], геологической [Болсуновская, 2015], астрофизической [Былкова, 2018]. Особый интерес для лингвистического анализа, на наш взгляд, представляют тексты исторической тематики, среди которых, как показывает исследование М. Ю. Сидоровой, встречаются образцы «идеологизированного научпопа». В центре текстов такого типа — авторская интерпретация явлений действительности, представляемая автором как нечто более интересное и ценное, чем объективность [Сидорова, 2026, с. 9].

В качестве материала для настоящей статьи выступают книги А. Васькина «Сталинские небоскребы: от Дворца Советов к высотным зданиям» [Васькин, 2009] и Л. Данилкина «Палаццо Мадамы: Воображаемый музей Ирины Антоновой» [Данилкин, 2026]. Выбор материала обусловлен следующими факторами.

1. К исторической проблематике в рамках научно-популярного жанра часто обращаются неспециалисты, авторы, не получившие систематического исторического образования, не владеющие исторической методологией, ограничивающей субъективность исторического нарратива. Представляется актуальным раскрытие этой субъективности методами лингвистического анализа.

2. Изучение языковых средств и текстовых тактик выражения позиции автора в современную эпоху «постправды» особенно важно проводить на материале текстов, касающихся знаковых исторических фигур и явлений, либо традиционно являющихся дискуссионными (сталинское время, включая его искусство и архитектуру) (А. А. Васькин. Сталинские небоскребы: от Дворца Советов к высотным зданиям. 2009), либо еще не осмысленных, впервые вводимых в поле зрения читателя (биография Ирины Антоновой) (Л. Данилкин. Палаццо Мадамы: Воображаемый музей Ирины Антоновой. 2026).

3. Выбранные тексты представляют, как далее показано в нашей статье, два типа деформации образа автора научно-популярного текста. Первый тип — «всезнающий» автор, который проникает в сферу сознания исторических субъектов и осуществляет реконструкцию мотивов их действий. В тексте устанавливаются неверифицируемые связи меж-

ду намерениями исторических субъектов и их действиями; в сознании читателя-неспециалиста установленные автором закономерности подменяют представление о связях, доступных для воссоздания по реально существующим историческим источникам. Второй тип — «несведущий» автор — тот, кто, скрываясь за маской невежды, пытается войти в доверие к читателю и, как бы не претендуя на исчерпывающее знание предмета, стремится обеспечить себе ничем не ограниченную свободу интерпретаций. Однако приведенные ниже примеры показывают, что образ «несведущего» декларируется автором, но не выдерживается последовательно: приписывая внутритекстовому субъекту свою точку зрения, он неизбежно занимает позицию «всезнающего».

С помощью коммуникативно-грамматического анализа мы демонстрируем, как языковые средства и тактики, подчиненные образу автора и его «ценностно-смысловой сетке» [Косиков, 2009, с. 9], ведут к нарушению и деформации жанрово-стилистического канона научно-популярного текста. Исследование текстовых тактик с опорой на инструментарий коммуникативной грамматики Г. А. Золотовой [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004] позволяет выдвинуть гипотезу о стратегии авторов, в которой «воплощаются замысел, „сверхзадача“, художественный императив, мировоззренческие и прагматические интересы» [Золотова, 1996, с. 287].

1. «Реконструкция» мотивов действий субъектов истории. Образ «всезнающего» автора

Для идеологически маркированного научно-популярного текста характерно приписывание вымышленных **коммуникативных** намерений субъектам и оценка этих намерений [Сидорова, 2026, с. 14]. Описывая мотивы, которые руководили историческими субъектами при совершении ими тех или иных **действий**, автор подобного текста также обращается к тактике, в основе которой — приписывание недоказуемых намерений. Восстанавливая причинно-следственные связи между событиями, автор текста может отказываться от модусных рамок, указывающих на субъекта сознания / речи, моделировать размышления субъектов истории через несобственно-прямую речь, усложнять субъектную перспективу текста с помощью авторизационных предложно-падежных синтаксем. В реализации тактики приписывания субъектам истории мотивов действий могут участвовать также следующие языковые средства: причастные конструкции с оценочным значением (*грезивший формулой «Москва — третий Рим», так полюбивший время Ивана Грозного*), модусные предикаты (*может похвастать, водрузить*), мо-

дальные слова (*неслучайно, возможно*). Отдельно стоит сказать и о случаях, когда автор сообщает что-либо о внутреннем мире другого субъекта, скрываясь за неопределенно-личным авторизатором, фактически предоставляя при этом неverifiedируемую информацию (см. пункт 5).

Рассмотрим, как работают перечисленные средства в тексте, на примерах.

Грезивший формулой «Москва — третий Рим», он уже не мог уподоблять образ своей столицы Риму второму. Рим для него — прошедший этап. Так полюбивший время Ивана Грозного, Сталин примеривает на себя тогу властителя мирового порядка. А потому все, что может быть наваяно внешним миром, для него теперь не указ (А. А. Васькин. Сталинские небоскребы: от Дворца Советов к высотным зданиям. 2009 С. 56). Весь приведенный фрагмент строится на приписывании И. В. Сталину модусных предикатов: он *не мог уподоблять, примеривает на себя (тогу властителя)*. Авторская «осведомленность» о внутреннем мире другого субъекта подкрепляется и усиливается модальными показателями: *грезивший, полюбивший, не указ*. Отсутствие авторизационных конструкций указывает на то, что автор оставляет за собой право облекать собственную точку зрения в форму имевшего место в реальности факта.

Следующий пример показывает, как мотивы исторических субъектов могут «реконструироваться» через несобственно-прямую речь: *Вместо одного небоскреба он решил построить высотные дома с башенками. Неслучайно и то, что проекты высоток были утверждены к его семидесятилетию. Возможно, что стареющий вождь хотел оставить потомкам такую своеобразную память о себе. Ведь стоят же до сих пор египетские пирамиды — лучшее воспоминание о фараонах, а чем может похвастать Европа? Есть ли там хотя бы одно огромного размера здание, хотя бы отдаленно напоминающее пирамиду?* (Там же, с. 55–56). Риторические вопросы имитируют внутренний монолог Сталина, как бы восстанавливая истинные его намерения при строительстве высотных зданий. Примечательно, что этому монологу предшествуют два предложения, в одном из которых реализуется модус уверенности, а в другом, наоборот, неуверенности. С одной стороны, автор с помощью модального наречия *неслучайно* декларирует идею о том, что временная приуроченность события (утверждение проекта высотных зданий) определенно имеет особый смысл. С другой стороны, в следующем предложении маркер неуверенности *возможно* сигнализирует, что автор далее выдвигает **предположение** о назначении высотных зданий. Сообщая о том, что речь идет лишь о предположении, ав-

тор, тем не менее, раскрывает сконструированную им позицию Сталина как реальную. Происходит смена субъектной позиции и моделируется внутренняя мотивация исторического субъекта, вводимая частицей *ведь*, маркирующей обоснование сказанного ранее.

Отметим, что эта имитация внутреннего монолога наполнена оценочными смыслами, принадлежащими автору: это он сравнивает высотные здания с пирамидами, а амбиции Сталина — с желанием фараонов оставить память о себе. Через образ египетской пирамиды вводится также и идея о том, что высотные здания — надгробия для вождя, построенные при его жизни. Важно отметить, что автор умалчивает о том, что египетские мотивы прослеживаются далеко не только в образах высотных зданий. К египетским традициям обращались и Е. И. Камзолкин при создании нового герба СССР, и А. В. Щусев при строительстве Мавзолея В. И. Ленина, и В. И. Мухина при работе над своими скульптурами. Сталинская архитектура во многом ориентировалась на египетскую, наследуя ее символичность, монументальность, статичность и приверженность концепции вечности [Зиновьева, 2005, с. 113–114; 2010, с. 21]. Манипулятивный эффект в тексте А. Васькина достигается за счет трансформации интереса архитекторов к искусству Древнего Египта как источнику творческих решений для воплощения духа эпохи в желание и стремление Сталина увековечить память о себе, как это делали фараоны.

О мотивах действий исторического субъекта может сообщаться и в конструкции с авторизационной предположно-падежной синтаксемой: *Итак, одно из принципиальнейших сталинских указаний — водружить сверху еще и советский вариант Колосса Родосского — памятник Ленину высотой до 100 метров. По мнению товарища Сталина, так будет красиво* (Там же, с. 34). Модусная часть в данном случае формально указывает на субъекта мнения и вводит его оценку: автор сообщает, как Сталин оценивал с эстетической точки зрения решение установить на вершину Дворца Советов памятник Ленину. Однако в данном случае обнаруживается трехсложная субъектная перспектива: Сталин как субъект истории — современники Сталина и восприятие ими его точки зрения (номинация *товарищ Сталин* принадлежит именно им; отсылая читателя к позиции сталинских архитекторов, автор указывает на их творческую несамостоятельность и безынициативность) — автор текста и его точка зрения (она транслируется в выборе номинации для памятника Ленину — *советский вариант Колосса Родосского*, а также в приобретающем интенсифицирующее значение комплексе *еще и*).

2. Минимизация эпистемической ответственности автора

Автор научно-популярного текста вправе отступать от строгих канонов употребления языковых средств в научном стиле и использовать их «нестандартно, творчески», сохраняя при этом объективное когнитивное содержание, точность и достоверность описанных данных [Прищечкина, 2010, с. 132–133]. Говоря иначе, стилистическая свобода и творческий подход к отбору языкового материала не освобождает автора от эпистемической ответственности за то, что сообщается в тексте. В книге А. Васькина обнаруживаются фрагменты генеритивного регистра, позволяющего автору формулировать «законы», по которым развиваются исторические события. Коммуникативная функция генеритивного регистра — «обобщение, осмысление информации, соотносящее ее с жизненным опытом, с универсальными законами мироустройства, <...> проецируя ее на общечеловеческое время за темпоральные рамки данного текста» [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004, с. 404]. В случае с текстом А. Васькина генеритивный регистр как бы освобождает автора от необходимости подкреплять и доказывать свою точку зрения, поскольку она сформулирована в виде универсального закона, не требующего верификации.

Обращая внимание читателя на то, что, по мнению автора, советские архитекторы не проявляли творческую самостоятельность и руководствовались исключительно директивами партийного руководства, А. Васькин констатирует: *Архитекторы готовы выполнить любую волю руководства, подстроиться в своей работе под метод «социалистического реализма». Особенно ухудшается в такой ситуации положение людей одаренных, не способных обмануть ни себя, ни зрителей. Чем больше талантливый художник фальшивит, тем зримее обозначаются в его произведениях черты вранья, тем ярче проступает в них тривиальный остов навязываемого ему стиля* (А. А. Васькин. 2009. С. 72). Генеритивный регистр, характеризующийся обобщенно-личными субъектами (*люди одаренные, не способные обмануть...; талантливый художник*) и предикатами несовершенного вида в форме настоящего времени, «незаметно» для читателя переходящих с узуального уровня обобщения на гномический (*ухудшается, фальшивит, обозначаются, проступает*), демонстрирует в данном случае, как автор от комментирования описанных им «реалий» советского государства переходит к декларированию нравственно-эстетического закона, основанного на одном конкретном историческом явлении. Таким образом, частная ситуация, связанная с принятием архитекторами творческих

решений при Сталине, позиционируется как проявление общей истины, не зависящей от времени и обстоятельств: в *такой ситуации* ухудшается положение одаренных людей. Пространственно-временной локализатор с указательным местоимением (*в такой ситуации*) как бы «сшивает» информативный регистр с генеритивным. Он служит звеном, соотносящим все оценочные смыслы, содержащиеся во фрагменте генеритивного регистра, не с некоей абстрактной ситуацией, а с конкретным историческим периодом: а) **советским** архитекторам был *навязан* определенный стиль работы; б) навязанный архитекторам стиль *тривиален*; в) подчиняясь навязанному стилю, архитекторы *фальшивили*; г) чем больше архитекторы *фальшивили*, тем очевиднее проступали в их работах черты *вранья*; д) одаренным архитекторам было трудно работать в рамках *навязанного стиля*.

3. Создание образа «несведущего» автора

Л. Данилкин в книге «Палаццо Мадамы: Воображаемый музей Ирины Антоновой» с первых страниц выстраивает образ автора, повествователя, выступающего «тем субъектом сознания, который непосредственно воплощен в тексте и с которым имеет дело читатель» [Падучева, 2010, с. 202]. Задача автора на этом этапе — расположить к себе читателя, поставить себя с ним в один ряд, отказаться от роли «всезнающего» автора, являющегося профессионалом в сфере деятельности выбранного героя или глубоко погруженным в нее, и представить автора «несведущего» — того, к которому вопросов со стороны адресата должно возникнуть меньше всего.

В теории идея обеспечить подобие объективности при рассмотрении столь «противоречивой» фигуры за счет «симплициссимуса» — автора, максимально удаленного от искусствоведческой среды, — не так уж и дурна; но книга про Антонову в исполнении человека, который вчера окончил НЕ ТОТ факультет, сегодня не отличит офорта с акватинтой от сухой иглы, завтра спутает, пожалуй, Тинторетто с Каналетто, а послезавтра, неизбежно, и Венецию с Винницей? Абсолютно постороннего, чьи познания в искусствоведении в лучшем случае аналогичны талантам рок-исполнителя, которые демонстрируют участники чемпионата по игре на воображаемой гитаре? (Л. Данилкин. 2026. С. 9–10).

Диктумный факт построен на модусной оценке: автору своя же идея *обеспечить подобие объективности* представляется *не так уж и дурна*. Важно заметить, что автор собирается предложить читателю именно *подобие объективности*, а не объективность. Однако даже создание

этого *подобия* оказывается невозможным — на что указывают модусные показатели, которые ослабляют иллокутивную силу высказывания: 1) модусный маркер *в теории* в значении ‘возможно’ отражает сомнение автора; 2) «*противоречивая*» *фигура* — оценка автора, говорящая читателю о существовании разных мнений относительно фигуры героини, что делает задачу биографа, состоящую в создании *подобия объективности*, сложнее; 3) конструкция *не так уж и дурна* подразумевает, что *идея* изначально дурна, но *не так уж (и)* эту категоричность смягчает.

Стоит обратить внимание и на диктумные факты, указывающие на ослабление утверждения: 1) автор обозначает, что *максимально удален от искусствоведческой среды*; 2) не имеет соответствующего образования: *окончил НЕ ТОТ факультет*; 3) называет себя *абсолютно посторонним* в этой сфере; 4) свои познания в искусствоведении с намеренной иронией и гиперболизацией сравнивает с *талантами рок-исполнителя, которые демонстрируют участники чемпионата по игре на вообразжаемой гитаре*.

В пунктах 2) и 3) мы наблюдаем конструирование автором позиции неопределенно-личных субъектов, оценивающих его знания как недостаточные для написания книги о жизни и деятельности выдающегося искусствоведа. Однако это намеренная авторская игра с читателем, так как тут же Л. Данилкин использует искусствоведческие термины (*офорт, акватинта, сухая игла*), которые не могут быть знакомы обывателю. Отдельно стоит заметить, что Л. Данилкин окончил филологический факультет МГУ, как и Ирина Антонова, чего биограф никак не мог не знать, поэтому выражение «НЕ ТОТ факультет» воспринимается как ирония не столько над автором, сколько над выбранной им героиней и над теми, кто осмелится подвергнуть сомнению его право писать биографию Антоновой.

Образ «несведущего» автора становится для Л. Данилкина удобным инструментом настройки читателя на то, что ошибки, неточности и недостоверные факты могут быть простительны биографу.

4. «Оправдание» ввода диктумного факта

Важнейшими составляющими образа автора научно-популярного исторического текста, как и автора любого исторического нарратива, являются тактики отбора диктумных фактов для включения в повествование, а также тактики обоснования, экспликации этого отбора. Они говорят не только и не столько о предмете речи, сколько о позиции говорящего. Продемонстрируем это на фрагменте из книги Л. Данилкина, в котором автор с помощью развернутой экспликации модус-

ного плана подводит читателя к мысли о необходимости упоминания некоторого диктумного факта, а затем на его основе строит вымышленный нарратив:

*...не факт вообще, что биографу следует фиксировать связанные с внешностью особенности персонажа — важно ли, что Ленин был лысым, а у Маркса была большая борода? — но в случае ИА, видимо, все же следует: это, безусловно, релевантная черта, свидетельствующая об уникальности ее организма. Надо сказать, что работоспособность ИА, ее непостижимая энергичность («она казалась космическим объектом») и цветущий вид <...> озадачивали сотрудников, которые разделились в этом отношении на три партии: первая объясняла себе ее вечнозеленое, «лавровое» пребывание в прекрасной форме «генетикой»; вторая — мистической «закалкой», полученной ИА в раннем детстве, когда она регулярно окуналась в целительный холод бассейнов и морских купален Германии; третья придерживалась мнения, что **все это обратная сторона и следствие как раз «вампиризма»** (Л. Данилкин. 2026. С. 334–335).*

В этом фрагменте Данилкин переходит от общего суждения о задачах биографа к мнению «третьих», т. е. фактически к трансляции слухов и домыслов. В модусной части автор сначала выражает сомнение (*не факт вообще*) относительно положения, что биографу *следует фиксировать связанные с внешностью особенности персонажа*. Модальный предикат (*следует*) выражает здесь деонтическую необходимость, при которой «агенса обязан совершить некоторое действие, если <...> есть моральные принципы или социальные установки, которые заставляют его так поступить» [Падучева, 2016]. Ввод в контекст рассуждения о долге биографа в генеритивном регистре, как и в анализируемом выше фрагменте текста А. Васькина (см. пункт 2), легитимизирует дальнейшие рассуждения автора, в данном случае — трансляцию слухов и домыслов. Деонтический предикат (*следует*) повторяется и далее, только уже применяется по отношению к выбранной биографом героине (*в случае ИА*), но здесь автор уже отмечает высокую вероятность (*видимо*) ранее обозначенного действия (*фиксировать*). От вероятности автор переходит к уверенности (*безусловно*) и вводит диктумный факт, построенный на его оценке (*это релевантная черта, свидетельствующая об уникальности ее организма*), для которого и выстраивалась вся эта градация модусных средств, ведущих от сомнения к убежденности автора, что, соответственно, рассчитано и на аналогичную реакцию адресата.

В следующем предложении модусный показатель (*надо сказать*), используемый для подтверждения предыдущей мысли, дает возможность автору ввести новых субъектов мнения (*озадачивали сотрудников*), разделяя их на три группы, тем самым создавая плюрализм мнений, за которым кроется конструирование автором вымышленного нарратива (*все это оборотная сторона и следствие как раз «вампиризма»*), что указывает на идеологическую маркированность данного научно-популярного текста, основанную на «избирательности, управляемой собственной ценностно-смысловой схемой субъекта» [Сидорова, 2026, с. 13].

5. Опора на ненадежный / неизвестный источник

В рамках приемов речевого воздействия на адресата исследователи выделяют прием апелляции к авторитетам и фонду общих знаний [Иссерс, 2009, с. 74], построенный с помощью ментальных модусных рамок: «всем известно, что...», «по мнению экспертов», «как отмечают историки» и т. п. «В таких случаях, как правило, не указываются имена „специалистов“, но «сомнительное, спорное утверждение, приписанное авторитетному субъекту» (пусть и обобщенному), «выглядит убедительно» [Там же]. Однако параллельно с вводом «чужого» мнения Л. Данилкин, несмотря на занятую в начале книги позицию «симплициссимуса», использует прием «реконструкции» мотивов действий субъектов истории, как и А. Васькин (см. пункт 1), проникает в ментальную сферу своей героини (*ИА всегда ощущала в себе, стремилась выдать, не нашла в себе сил расстаться, осознает*), скрываясь в данном случае за неопределенно-личным авторизатором:

И если ИА в самом деле, как говорят про нее, всегда ощущала в себе нереализованный потенциал великой актрисы — и стремилась выдать свой Музей за какой-то еще, то Итальянский дворик был готовым сценическим пространством, чтобы разыгрывать в нем обширный репертуар историй. Про могучую властительницу, которая не нашла в себе сил вовремя расстаться с властью и теперь, когда часы судьбы тикают все громче, осознает, что любой, кто окажется на ее троне, пока она жива, предаст ее — и примется мстить ей за унижения самым жестоким образом (Л. Данилкин. 2026. С. 117–118).

Помимо конструкций с неопределенно-личным авторизатором, для маскировки своего авторского голоса Л. Данилкин также использует конструкции с:

а) каузативно-авторизующей синтаксемой «согласно + дат. п»:

Согласно недостоверным источникам, всякий день, уже к обеду, когда первая кровавая жатва была собрана, площадка перед дверью в приемную оказывалась усеяна трупами и полутрупами; Белый пол был аналогом каприйской скалы, с которой сбрасывали в море тех, кто осмелился перечить или ослушаться императора Тиберия (Там же, с. 108);

б) каузативно-авторизующей синтаксемой «по + дат. п»:

Оказавшись в Кремле, она, **по слухам**, обвинила своих горе-благодетелей в намерении набить Музей сумками Louis Vuitton и вообще использовать его как место для своей коммерции — спутав, надо полагать, ее храм со своим ГУМом (Там же, с. 474).

Приведенные примеры показывают, что апелляция к ненадежному или неизвестному источнику дает возможность биографу выстраивать вымышленные нарративы с опорой на мнение некоторого модусного субъекта, проверить которое читатель не имеет возможности. В примере а) в роли такого модусного субъекта выступают *недостоверные источники*, на которые ссылается автор, чтобы дальше представить свою модусную позицию относительно того, как он видит взаимодействие Ирины Антоновой с сотрудниками: *кровавая жатва, трупы и полутрупы перед дверью в приемную*, а сама Ирина Антонова сравнивается с *императором Тиберием*, который казнит *тех, кто осмелился перечить или ослушаться*.

Пример б), напротив, представляет не позицию неопределенно-личных субъектов, а точку зрения самой Ирины Антоновой, которую автор конструирует с помощью каузативно-авторизующей синтаксемы **по слухам**: *набить; использовать для своей коммерции; спутав, надо полагать, со своим ГУМом* — используемые предикаты и притяжательное местоимение *свой* (по отношению к *горе-благодетелям*) указывают на то, что перед нами несобственно-прямая речь, выступающая как скрытая цитата, в которой мы должны услышать даже не просто модусную позицию, а интонацию Антоновой.

Заключение

Представленный анализ позволяет нам сделать вывод, что главной стратегией книг А. Васькина и Л. Данилкина является не трансляция нового знания в доступной и некатегоричной форме для неподготовленного читателя, что предполагает жанрово-стилистический канон научно-популярного текста, а подмена этого знания своим «письмом», воздвигаемым между читателем и действительностью [Сидорова, 2026, с. 16]. «Письмо», в понимании Р. Барта, это «опредметившаяся в языке идеологическая сетка» автора, который понуждает адресата «заме-

чать и оценивать лишь те аспекты действительности, которые эта сетка признает в качестве значимых» [Косиков, 1989, с. 15]. Такое «письмо», даже скрываясь за фигурой наивного повествователя, в действительности является «идеологически маркированным научпопом», где образ автора становится преградой между читателем и знаниями о изначально заявленной теме. Воздвигнутая преграда обладает «такой же принудительной силой, как и любое другое общественное установление», и только поняв «внутреннее устройство подавляющего механизма», эту преграду возможно будет преодолеть [Там же].

Библиографический список

Болсуновская Л. М. Способы выражения позиции автора в научном и научно-популярном дискурсах / Л. М. Болсуновская, Д. С. Найдина // Фундаментальные исследования. 2015. № 2–15. С. 3413–3416.

Былкова С. В. Хеджирование в научно-популярном тексте: мотивация, семантико-синтаксические особенности, прагматические функции // Балтийский гуманитарный журнал. № 7 (4 (25)). 2018. С. 21–25.

Варгина Е. И. Научный текст: функция воздействия : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Санкт-Петербург, 2004. 31 с.

Воронцова Т. А. Стратегии и тактики презентации специальных знаний в научно-популярном дискурсе // Вестник ЧелГУ. 2013. № 37 (328). С. 26–29.

Гришечкина Г. Ю. Научно-популярная лингвистическая литература: аспекты изучения в русле функциональной стилистики // Вопросы когнитивной лингвистики. № 4. 2010. С. 130–136.

Зиновьева О. А. Архитектурное убранство Москвы как отображение сталинской политики в 1930–1950-е гг. (зримый образ — скрытый смысл) // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 4. 2005. С. 112–126.

Зиновьева О. А. Унаследованные политические технологии: монументальная пропаганда сталинской Москвы // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. № 1 (44). 2010. С. 9–23.

Золотова Г. А. Композиция и грамматика // Язык как творчество: сб. статей к 70-летию В. П. Григорьева. Москва: ИРЯ РАН, 1996. С. 284–296.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. Москва: ИРЯ РАН, 2004. 544 с.

Иссерс О. С. Речевое воздействие : учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». Москва: Флинта: Наука, 2009. 224 с.

Кожина М. Н. Стилистика русского языка. Москва: Флинта. Наука, 2011. 462 с.

Косиков Г. К. Ролан Барт — семиолог, литературовед / Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Москва: Прогресс, 1989. С. 6–48.

Косиков Г. К. Идеология. Коннотация. Текст / Барт Р. «S/Z». Москва: Академический проект, 2009. С. 5–45.

Кузнецов С. О. Роль Сталина в организации конкурса на проектирование Дворца Советов (1931–1932 гг.) // *Architecture & Modern Information Technologies*. 2019. № 3 (48). С. 51–60. Электронный ресурс https://marhi.ru/AMIT/2019/3kvart19/PDF/04_kuznecov.pdf

Лазаревич Э. А. Искусство популяризации науки. Москва: Наука, 1978. 224 с.

Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.

Падучева Е. В. Модальность, 2016. Электронный ресурс <http://rusgram.ru/%D0%9C%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C>

Сидорова М. Ю. Идеологически маркированный научно-популярный текст: лингвистические, стилистические и коммуникативные параметры // *Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология*. 2026. № 1. С. 5–19. <https://doi.org/10.5281/zenodo.18822748>

Соловьева Ю. О. Самопрезентация автора в тексте научно-популярной статьи правовой тематики (на материале статьи Н. Колоколова «Берегите карманы, сумки, чемоданы...») // *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2022. № 3. С. 130–139.

Хомутова Т. Н., Петров С. Г. Научно-популярный текст: интегральная модель // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика*. № 10 (2). 2013. С. 37–41.

Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста: уч пособие. Изд. 4-е. Москва: ЛКИ, 2007. 128 с.

Список источников

Васькин А. А. Сталинские небоскребы: от Дворца Советов к высотным зданиям. Москва: Спутник+, 2009. 236 с.

Данилкин Л. Палаццо Мадамы: Воображаемый музей Ирины Антоновой. Москва: Альпина нон-фикшн, 2026. 584 с.

References

Bolsunovskaya L. M., Naydina D. S. Ways of expressing the author's position in scientific and popular scientific discourses. *Fundamentalnye Issledovaniya* = Fundamental Research, 2015, no. 2–15, pp. 3413–3416. (In Russian).

Bylkova S. V. Hedging in popular scientific texts: Motivation, semantic syntactic features, pragmatic functions. *Baltiyskiy Gumanitarnyy Zhurnal* = Baltic Humanitarian Journal, no. 7 (4 (25)), 2018, pp. 21–25. (In Russian).

Chernyavskaya V. E. Interpretation of scientific text: A textbook. 4th ed, Moscow, 2007. 128 p. (In Russian).

Grishechkina G. Yu. Popular scientific linguistic literature: Aspects of study within functional stylistics. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki* = Issues of Cognitive Linguistics, no. 4, 2010, pp. 130–136. (In Russian).

Issers O. S. Speech influence: A textbook for students majoring in Public Relations, Moscow, 2009. 224 p. (In Russian).

Khomutova T. N., Petrov S. G. Popular scientific text: An integral model. *Vestnik Yuzhno Uralskogo Gosudarstvennogo Universiteta* = South Ural State University Bulletin, ser. Linguistics, no. 10 (2), 2013, pp. 37–41. (In Russian).

Kosikov G. K. Roland Barthes as a semiologist and literary scholar. *Barthes R. Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* = Selected Works: Barthes R. Semiotics: Poetics, Moscow, 1989, pp. 6–48. (In Russian).

Kosikov G. K. Ideology. Connotation. Text. *Barthes R. S/Z* = Barthes R. S/Z, Moscow, 2009, pp. 5–45. (In Russian).

Kozhina M. N. Stylistics of the Russian language? Moscow, 2011. 462 p. (In Russian).

Kuznetsov S. O. Stalin's role in organizing the competition for the design of the Palace of Soviets (1931–1932). *Architecture and Modern Information Technologies*, no. 3 (48), 2019, pp. 51–60. (In Russian).

Lazarevich E. A. The art of popularizing science, Moscow, 1978, 224 p. (In Russian).

Paducheva E. V. Semantic studies: Semantics of time and aspect in the Russian language; Semantics of narrative, Moscow, 2010. 480 p. (In Russian).

Paducheva E. V. "Modality," 2016. Retrieved from: <http://rusgram.ru/%D0%9C%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C> (In Russian).

Sidorova M. Yu. Ideologically marked popular scientific text: Linguistic, stylistic, and communicative parameters. *Vestnik Donetskogo Natsionalnogo Universiteta* = Donetsk National University Bulletin, ser. D. Philology and

Psychology, 2026, no. 1, pp. 5–19. <https://doi.org/10.5281/zenodo.18822748> (In Russian).

Solovyova Yu. O. Self-presentation of the author in a popular scientific article on legal topics (based on N. Kolokolov's article "Protect your pockets, bags, and suitcases..."). *Vestnik Moskovskogo Universiteta* = Moscow University Bulletin, ser. 19, Linguistics and Intercultural Communication, 2022, no. 3, pp. 130–139. (In Russian).

Vargina E. I. Scientific text: The function of influence. Abstract of Doc. Philol. Diss. St. Petersburg, 2004. 31 pp. (In Russian).

Vorontsova T. A. Strategies and tactics of presenting specialized knowledge in popular scientific discourse. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Chelyabinsk State University, 2013, no. 37 (328), pp. 26–29. (In Russian).

Zinovieva O. A. Architectural decoration of Moscow as a reflection of Stalin's policy in the 1930s–1950s (visible image — hidden meaning). *Vestnik Moskovskogo Universiteta* = Moscow University Bulletin, ser. 19, Linguistics and Intercultural Communication, no. 4, 2005, pp. 112–126. (In Russian).

Zinovieva O. A. Inherited political technologies: Monumental propaganda in Stalin's Moscow. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* = Bulletin of the Russian State University for the Humanities, ser., Political Science. History. International Relations, no. 1 (44), 2010, pp. 9–23. (In Russian).

Zolotova G. A. Composition and grammar. *Yazyk kak tvorchestvo* = Language as Creativity: Collection of Articles for the 70th Anniversary of V.P. Grigoriev, Moscow, 1996, pp. 284–296. (In Russian).

Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. Communicative grammar of the Russian language, Moscow, 2004, 544 p. (In Russian).

List of Sources

Vas'kin A. A. Stalin's skyscrapers: From the Palace of Soviets to high-rise buildings, Moscow, 2009, 236 p. (In Russian).

Danilkin L. Madama's Palazzo: The Imaginary Museum of Irina Antonova, Moscow, 2026, 584 p. (In Russian).